

С ПЕРВОГО дня переезда Чехова в 1892 г. в небольшое имение при селе Мелихове Серпуховского уезда его отец Павел Егорович начал вести Дневник и делал это шесть лет, до последних дней жизни. Дневник известен давно — еще в 1930 г. Ю.В.Соболев опубликовал из него несколько крупных фрагментов.

Теперь наконец Дневник издан полностью. И только в этом виде он предстал перед читателем во всей своей ценности. Записи делались ежедневно, без пропусков. Когда автор Дневника был в отъезде, записывали домочадцы. Сам А.П.Чехов заполнил в нем около двух страниц.

Павел Егорович скрупулезно фиксировал все приезды-отъезды. 26 января: "Антоша уехал в Серпухов". 28 января: "Антоша приехал". 30 апреля: "Антоша, Левитан и Маша пошли в лес. Гуляла до 10 час. вечера. Береза распускается". 1 мая: "Антоша и Маша уехали в Серпухов вечером. Левитан уехал утром". 25 июля: "Суворин уехал с Щепкиной". Эти точные записи — неоценимый материал не только для летописи жизни и творчества Чехова, но, например, и Левитана, которая, несомненно, когда-нибудь будет составлена.

Биографы Чехова и раньше знали, что в Мелихове гостей было много. Но как-то не думалось, что так много было лиц случайных. Кроме родственников, друзей, людей искусства, таких, как актер П.М.Свободин, виолончелист М.Р.Семашко, писатели В.А.Гиляровский, И.Н.Потапенко, И.Л.Щеглов-Леонтьев, Л.С.Мизинова, художница А.А.Хотянцева, приезжали, ночевали, обедали священник с псаломщиком, ветеринар, учитель из соседней деревни, земские деятели, врачи, охотники, местные помещики, фабриканты, лица вообще неизвестные — например, некие "две толстые дамы". Племянник Володя "жил 47 дней", флейтист А.И.Иваненко — больше года. Становится понятнее, почему новый владелец имения радуется, что "слава Богу, все уехали". Что, впрочем, не мешало ему опять звать новых гостей, и все начиналось сначала.

Такое многолюдство ставило перед подготовителями издания сложную задачу: раскрыть такие упоминания, как "учитель", "бабушка", "Анюта", "Вера", "Журавлева". И все это сделано — мы узнаем имена и учителя, и священника, и кто такая Вера (старуха-нищая), и Анюта (их оказалось две), и что Журавлева — "подручная кухарка М.Д.Беленовской", и что была еще одна ее подручная — М.Цыпкина. И, естественно, раскрыты все Чеховы. Многие из них обозначены в дневни-

Мелиховский летописец: Дневник Павла Егоровича Чехова. М.: Наука, 1995. — 268 с. 5000 экз.

“Пиона расцвела... Пиона отцвелась”

О Дневнике Павла Егоровича Чехова

ке лишь как “дети”, “внуки”, по крайности — “Болодя”, “Коля”, “Тося”. Все они в указателе снабжены датами и сведениями о степени родства. Издание готовили известные специалисты: А.П.Кузичева успешно изучает жизнь и творчество Чехова мелиховских лет, стремясь ввести в оборот новые, малоизвестные материалы; Е.М.Сахарова занимается чеховской родней, окружением едва ли не полвека; за это время не было ни одного из здравствовавших членов чеховского клана, с кем бы она не была дружна или близко знакома, начиная с сестры писателя М.П.Чеховой и кончая Е.М.Чеховой (1898—1984) — его племянницей.

Один из самых трудно комментируемых слоев в текстах писем любого писателя — домашние словечки, прозвища, шутки. Дневник отца Чехова поможет и здесь.

МЕЛИХОВО — источник многих прототипов персонажей Чехова. Читатель Дневника сам сможет увидеть, как жил в натуре “наш брат учитель”, о котором говорит бедолага Медведенко из “Чайки”. Павел Егорович записывает: “Дали учителю 2 меры ржи”; “отвезли 2 воза сена учителю”. Мелиховскими впечатлениями у Чехова невнятна не одна картина.

Чехову с юных лет было свойственно чувство слиянности с природой, ощущение себя как ее части. Времена года — важные этапы его жизни; дождь, снег, прилет птиц — события равноценные в ряду с литературными и общественными. “У меня целое событие: ночью был дождь” (О.Л.Книппер, 18 сентября 1902 г.). “Моя повесть подвигается, но ушел я недалеко... Грачи уже прилетели” (А.С.Суворину, 5 марта 1891 г.). Казалось бы, откуда это у уроженца города и жителя Москвы?

Но подобное же ощущение связанности с природой пронизывает весь Дневник его отца, который заполнен едва ли не наполовину такими записями: “Грачи прилетели”; “Журавли летят на север”; “Снежок идет. Тихо и пасмурно”; “Утро холодное. Дует северный ветер”.

“Ночью был сильный дождь. Утром дождь. Погода наводит уныние”. “Утром чудесная погода. После обеда пасмурно, небольшой дождик. Тепло”.

Записи после абзаца вписаны в Дневник А.П.Чеховым. Скажут: стилизация. Но вот цитата из письма Чехова, где он полностью говорит своим голосом: “Снег, грачи прилетели, но скворцов еще нет; погода промозглая...” (Г.М.Чехову, 18 марта 1897 г.).

В чеховском имении, узнаем из Дневника, делают то, что в любом имении делали и сто, и двести лет назад: косят, копнят, возят сено, хворост, навоз из конюшни, рожь на мельницу (мальмы порциями, чтобы мука не горкла), чистят трубы, набивают льдом и снегом с солью ледник, сбрасывают снег с крыш и набрасывают его в пруд (что с большим удовольствием делает А.П.Чехов), водят ковать лошадей...

Все “скотыя” события Павел Егорович отмечал с особым тщанием: кончилось сено — скот кормят яровой соломой, а лошадям овса дают всего по 1/4 меры, “а когда ехать — по 1/2 меры”; привели быка для случки; овцы ягнятся, суки щенятся; старая кобыла Петровна “принесла на 30-летнем возрасте хорошего жеребенка”, но через три месяца “отказалась от мира сего, околела”; коровы телются; но не только: “чужая корова ночью гуляла в саду по дорожкам и съела капусту”.

Могут возразить: кому это интересно? Важно ли даже для специалистов, бычка или телочку принесла корова и когда прилетели грачи?

В неоконченном труде “Врачебное дело в России” Чехов заметил: “В летописи заносились даже такие неважные обстоятельства, как... “весна велми студена”. Понимать это следует: как будто неважные. Никто не знает, что важно, а что не важно для истории и для творческой истории — в том числе и сам творец-художник.

ВНЕБОЛЬШОЙ заметке трудно, конечно, рассказать обо всем, что дает книга “Мелиховский летописец” читателю — и тому, кто изучает Чехова, и тому, кто просто любит его. Наверное, наша пресса заметит Дневник, как-то откликнется на него. Впрочем, она уже откликнулась. 14 ноября 1995 г. “Книжное обозрение” напечатало рецензию Т.Блажновой “Хроника мелиховской жизни”, где речь идет о двух книгах — Дневнике Павла Ег-

ровича и о работе А.Кузичевой “Ваш А.Чехов”, там рассказывается о жизни и творчестве писателя в мелиховские годы. “...Эти книги не просто связаны одной темой — пребыванием чеховского семейства в Мелихове, — но и читать их надо непременно вместе, параллельно, чтобы не утратить полноты картины, — комментирует Т.Блажнова. — Конечно, и имя А.П.Кузичевой связывает книги”. Вообще-то связывает эти две книги скорее имя А.П.Чехова, но, с другой стороны, Т.Блажнова подчеркивает, что речь идет не о рядовом исследователе: “неутомимый пропагандист русской классики, известный чеховед, театральный критик, Кузичева известна...” — и далее перечисляются разные грани ее деятельности.

“Мы видим благодаря А.П.Кузичевой, сколь многообразны отношения Чехова с людьми”. Изучая писателя многие годы, свидетельствуем: отношения Чехова с людьми открываются читателям не только благодаря А.П.Кузичевой.

Говоря о ней, Т.Блажнова как бы набирает все большую и большую высоту, ее взволнованные гиперболы становятся все круче и круче.

“Всем и навсегда жалко “фильдекосовую”, “перламутровую” Лику, на которой Чехов так и не женился (вопреки ожиданиям Т.Блажновой. — З.П., А.Ч.). Кузичева осторожно, с чеховской деликатностью, но и с чеховской же трезвостью взгляда (так и написано! — З.П., А.Ч.) показывает...” Впрочем, что показывает, не столь важно, главное, как — по-чеховски.

“...Анализ идет на уровне стилистики, и мы убеждаемся еще и еще раз, что да, стиль — это весь человек, что его партнеры были рядом с Чеховым тяжелы, неизящны, эгоцентричны”. Кто имеется в виду? Станиславский, Левитан, красавица и страдальница Лика Мизинова?..

Но, видимо, Т.Блажнова еще не исчерпала свои возможности. В заключение она взмывает в ошеломительную высь: “Книга А.П.Кузичевой (о Павле Егоровиче Т.Блажнова уже забыла, он заслонен. — З.П., А.Ч.) наводит на мысль, которая уже приходила в одну гениальную голову, — по поводу Пушкина...” В чью же? “Может быть, и Чехов, думаю я, есть тип русского человека, каким он явится в своем развитии лет через сто?”

Самое трогательное в этом диковинном пассаже — это “думаю я”. Но довольно, думаем мы, пора наконец возвратиться к Дневнику отца Чехова. Этот документ важен и интересен каждому, кто хочет представить себе жизнь писателя, не в ее выбранных биографами и мемуаристами деталях, но в ее целостности, без изъятов, со всем тем, что окружало его всякий день и всякий час.

З.ПАПЕРНЫЙ, А.ЧУДАКОВ